

Критерии оценивания заданий

На городской олимпиаде школьников по литературе предлагается два задания – тестовое и аналитическое. **Тестовое задание оценивается 10 баллами, аналитическое – 40 баллами.**

При выполнении аналитического задания участник выбирает для анализа или интерпретации **один из двух** предложенных текстов (поэтический или прозаический) текст. **Общий максимальный балл – 50.**

Критерии оценки теста.

Каждый вопрос тестового задания максимально оценивается 2 баллами.

Критерии оценки аналитического задания:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. **Максимально 20 баллов.**
2. Композиционная стройность и стилистическая однородность работы, точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту произведения. **Максимально 10 баллов.**
3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. **Максимально 5 баллов.**
4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. **Максимально 5 баллов**
5. При наличии большого количества речевых и грамматических ошибок, затрудняющих адекватное понимание работы, **оценка может быть снижена (максимально - на 5 баллов).**

НИУ ВШЭ – Нижний Новгород
Городская олимпиада школьников по литературе
10 класс, 4 декабря 2016

Задание 1

Перед вами фрагменты из книги литературного критика Юрия Айхенвальда «Силуэты русских писателей». Определите, о ком из писателей в каждом случае идет речь; выпишите 3-5 ключевых слов или словосочетаний из каждого фрагмента, которые помогли Вам в этом.

1. «Он дал некоторое отражение известной среды, определенных кварталов русского города, но не поднялся над уровнем специфического быта, и человека заслонил для него купец. Это царство хозяев и приказчиков, свах и ворожей, эта область нелепицы и самодурства, пьяного разгула и мелочной расчетливости, эти странные фигуры, исковерканные слова и уродливые мысли – все это крепко держало автора в своей притупляющей власти».
2. «Он сперва не замечал, какое гнетущее зрелище коварно готовят ему его злополучные глаза, в которые с неотразимой силой металось все, что только есть на свете жестокого и низкого. Они зорко высматривали не только людское неблагообразие, но даже и неприглядные, облупленные вещи, сменные поделки человеческих рук, и сколько раз его отравленное перо одушевляло неодушевленные предметы, для того, чтобы посмеяться над ними! Сколько раз оно комически живописало все эти уморительные одеяния, платья и чепчики губернских дам, медвежьи стулья...»
3. «Он – поэт, отказавшийся от слова. Ни один писатель не выражает так часто, как он, своей неудовлетворенности человеческими словами. Они для него материальны и тяжелы. О, если б можно было отвергнуть их неискusstное посредничество! О, если б без слова сказаться душой было можно! Тишина, дыхание, вздохи; глаза, которые смотрятся в глаза другие; золотое мигание дружественных звезд... – все это понятные и чудные намеки, которые более желанны, чем постылая и мнимая отчетливость слишком умного, определяющего слова».
4. «...он перенимал, он многому подражал – даже другим поэтам, обливался слезами над чужим вымыслом. Эхо души и деяний, внутренних и внешних событий, прошлого и настоящего, он в своей отзывчивости как бы теряет свое лицо. От шалости и до молитвы, от шутки и до гимна – в это протекает жизнь, и это звучит в его поэзии. Он перечувствовал Шекспира и Гете, посетил в идеальном путешествии своих творческих снов Европу, понял и царицу Клеопатру, и мудрого Пимена, и песни Шенье, и Горация».
5. «...пловец страшных человеческих глубин, провидец тьмы, рудокоп души, он пережил психологию смертной казни, невероятный ужас ее ожидания... Он так несчастен в своей прозорливости, что почти не в силах понять, как можно любить ближнего. Каждый для него облечен в тайну, которую он, на горе себе, прозревает. В жизни, в душе у всякого, в биографии и помыслах, где-то в тайниках сознания есть дурное, постыдное, какой-то нетопырь, который вылетает по ночам. В каждом есть секрет, происходит моральное раздвоение, за каждым следует его двойник, и мир содрогнулся бы, если бы люди всецело раскрыли свое существо».

НИУ ВШЭ – Нижний Новгород
Городская олимпиада школьников по литературе
10 класс, 4 декабря 2016

Задание 2.

Дайте развернутый анализ или интерпретацию (понимание) поэтического **или** прозаического произведений (**на ваш выбор**):

Ф. Тютчев
Дым

Здесь некогда, могучий и прекрасный,
Шумел и зеленел волшебный лес,-
Не лес, а целый мир разнообразный,
Исполненный видений и чудес.

Лучи сквозили, трепетали тени;
Не умолкал в деревьях птичий гам;
Мелькали в чаще быстрые олени
И ловчий рог взывал по временам.

На перекрестках, с речью и приветом
Навстречу нам, из полутьмы лесной,
Обвеянный каким-то чудным светом,
Знакомых лиц слетался целый рой.

Какая жизнь, какое обаянье,
Какой для чувств роскошный, светлый пир!
Нам чудились нездешние созданья,
Но близок был нам этот дивный мир.

И вот опять к таинственному лесу
Мы с прежнею любовью подошли.
Но где же он? Кто опустил завесу,
Спустил ее от неба до земли?

Что это? Призрак, чары ли какие?
Где мы? И верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым - безотрадный, бесконечный дым!

Кой-где насквозь торчат по обнаженным
Пожарищам уродливые пни,
И бегают по сучьям обожженным
С зловещим треском белые огни...

Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой...
И вот опять тот лес зазеленеет,
Все тот же лес, волшебный и родной.
26 апреля - начало мая 1867

НИУ ВШЭ – Нижний Новгород
Городская олимпиада школьников по литературе
10 класс, 4 декабря 2016

А. П. Чехов
На святках

I

- Что писать? - спросил Егор и умокнул перо.

Василиса не виделась со своею дочерью уже четыре года. Дочь Ефимья после свадьбы уехала с мужем в Петербург, прислала два письма и потом как в воду канула; ни слуху ни духу. И доила ли старуха корову на рассвете, топила ли печку, дремала ли ночью - и всё думала об одном: как-то там Ефимья, жива ли. Надо бы послать письмо, но старик писать не умел, а попросить было некого.

Но вот пришли святки, и Василиса не вытерпела и пошла в трактир к Егору, хозяйкиному брату, который, как пришел со службы, так и сидел всё дома, в трактире, и ничего не делал; про него говорили, что он может хорошо писать письма, ежели ему заплатит как следует. Василиса поговорила в трактире с кухаркой, потом с хозяйкой, потом с самим Егором. Сошлись на пятиалтынном.

И теперь - это происходило на второй день праздника в трактире, в кухне - Егор сидел за столом и держал перо в руке. Василиса стояла перед ним, задумавшись, с выражением заботы и скорби на лице. С нею пришел и Петр, ее старик, очень худой, высокий, с коричневой лысиной; он стоял и глядел неподвижно и прямо, как слепой. На плите в кастрюле жарилась свинина; она шипела и фыркала и как будто даже говорила: "Флю-флю-флю". Было душно.

- Что писать? - спросил опять Егор.

- Чего! - сказала Василиса, глядя на него сердито и подозрительно. - Не гони! Небось не задаром пишешь, за деньги! Ну, пиши. Любезному нашему зятю Андрею Хрисанфычу и единственной нашей любимой дочери Ефимье Петровне с любовью низкий поклон и благословение родительское навеки нерушимо.

- Есть. Стреляй дальше.

- А еще поздравляем с праздником Рождества Христова, мы живы и здоровы, чего и вам желаем от господ... царя небесного.

Василиса подумала и переглянулась со стариком.

- Чего и вам желаем от господ... царя небесного... - повторила она и заплакала.

Больше ничего она не могла сказать. А раньше, когда она по ночам думала, то ей казалось, что всего не поместить и в десяти письмах. С того времени, как уехали дочь с мужем, утекло в море много воды, старики жили, как сироты, и тяжело вздыхали по ночам, точно похоронили дочь. А сколько за это время было в деревне всяких происшествий, сколько свадеб, смертей! Какие были длинные зимы! Какие длинные ночи!

- Жарко! - проговорил Егор, расстегивая жилет. - Должно, градусов семьдесят будить. Что же еще? - спросил он.

Старики молчали.

- Чем твой зять там занимается? - спросил Егор.

- Он из солдат, батюшка, тебе известно, - ответил слабым голосом старик. - В одно время с тобой со службы пришел. Был солдат, а теперь, значит, в Петербурге в водоцелебном заведении. Доктор больных водой пользуется. Так он, значит, у доктора в швейцарах.

- Вот тут написано... - сказала старуха, вынимая из платочка письмо. - От Ефимьи получили, еще бог знает когда. Может, их уж и на свете нет.

Егор подумал немного и стал быстро писать.

НИУ ВШЭ – Нижний Новгород
Городская олимпиада школьников по литературе
10 класс, 4 декабря 2016

"В настоящее время, - писал он, - как судьба ваша через себе определила на Военное Попрыще, то мы Вам советуем заглянуть в Устав Дисциплинарных Взысканий и Уголовных Законов Военного Ведомства, и Вы усмотрите в оном Законе цивилизацию Чинов Военного Ведомства".

Он писал и прочитывал вслух написанное, а Василиса соображала о том, что надо бы написать, какая в прошлом году была нужда, не хватило хлеба даже до святок, пришлось продать корову. Надо бы попросить денег, надо бы написать, что старик часто похварывает и скоро, должно быть, отдаст богу душу... Но как выразить это на словах? Что сказать прежде и что после?

"Обратите внимание, - продолжал Егор писать, - в 5 томе Военных Постановлений. Солдат есть Имя обчшее, Знаменитое. Солдатом называется Перьвейший Генерал и последней Рядовой..."

Старик пошевелил губами и сказал тихо:

- Внучат поглядеть, оно бы ничего.

- Каких внучат? - спросила старуха и поглядела на него сердито. - Да, может, их и нету!

- Внучат-то? А может, и есть. Кто их знает!

"И поетому Вы можете судить, - торопился Егор, - какой есть враг Иноземный и какой Внутренний. Перьвейший наш Внутренний Враг есть: Бахус".

Перо скрипело, выделявая на бумаге завитушки, похожие на рыболовные крючки. Егор спешил и прочитывал каждую строчку по нескольку раз. Он сидел на табурете, раскинув широко ноги под столом, сытый, здоровый, мордатый, с красным затылком. Это была сама пошлость, грубая, надменная, непобедимая, гордая тем, что она родилась и выросла в трактире, и Василиса хорошо понимала, что тут пошлость, но не могла выразить на словах, а только глядела на Егора сердито и подозрительно. От его голоса, непонятных слов, от жара и духоты у нее разболелась голова, запутались мысли, и она уже ничего не говорила, не думала и ждала только, когда он кончит скрипеть. А старик глядел с полным доверием. Он верил и старухе, которая его привела сюда, и Егору; и когда упомянул давеча о водолечебном заведении, то видно было по лицу, что он верил и в заведение, и в целебную силу воды.

Кончив писать, Егор встал и прочел всё письмо сначала. Старик не понял, но доверчиво закивал головой.

- Ничего, гладко... - сказал он, - дай бог здоровья. Ничего...

Положили на стол три пятака и вышли из трактира; старик глядел неподвижно и прямо, как слепой, и на лице его было написано полное доверие, а Василиса, когда выходили из трактира, замахнулась на собаку и сказала сердито:

- У-у, язва!

Всю ночь старуха не спала, беспокоили ее мысли, а на рассвете она встала, помолилась и пошла на станцию, чтобы послать письмо.

До станции было одиннадцать верст.

II

Водолечебница доктора Б. О. Мозельвейзера работала и на Новый год так же, как в обыкновенные дни, и только на швейцаре Андрее Хрисанфыче был мундир с новыми галунами, блестели как-то особенно сапоги; и всех приходивших он поздравлял с Новым годом, с новым счастьем.

НИУ ВШЭ – Нижний Новгород
Городская олимпиада школьников по литературе
10 класс, 4 декабря 2016

Было утро. Андрей Хрисанфыч стоял у двери и читал газету. Ровно в десять часов вошел генерал, знакомый, один из обычных посетителей, а вслед за ним - почтальон. Андрей Хрисанфыч снял с генерала шинель и сказал:

- С Новым годом, с новым счастьем, ваше превосходительство!

- Спасибо, любезный. И тебя также.

И, идя вверх по лестнице, генерал кивнул на дверь и спросил (он каждый день спрашивал и всякий раз потом забывал):

- А в этой комнате что?

- Кабинет для массажа, ваше превосходительство!

Когда шаги генерала затихли, Андрей Хрисанфыч осмотрел полученную почту и нашел одно письмо на свое имя. Он распечатал, прочел несколько строк, потом, не спеша, глядя в газету, пошел к себе в свою комнату, которая была тут же внизу, в конце коридора. Жена его Ефимья сидела на кровати и кормила ребенка; другой ребенок, самый старший, стоял возле, положив кудрявую голову ей на колени, третий спал на кровати.

Войдя в свою комнатку, Андрей подал жене письмо и сказал:

- Должно, из деревни.

Затем он вышел, не отрывая глаз от газеты, и остановился в коридоре, недалеко от своей двери. Ему было слышно, как Ефимья дрожащим голосом прочла первые строки. Прочла и уж больше не могла; для нее было довольно и этих строк, она залилась слезами и, обнимая своего старшенького, целуя его, стала говорить, и нельзя было понять, плачет она или смеется.

- Это от бабушки, от дедушки... - говорила она. - Из деревни... Царица небесная, святители-угодники. Там теперь снегу навалило под крыши... деревья белые-белые. Ребятки на махоньких саночках... И дедушка лысенький на печке... и собачка желтенькая... Голубчики мои родные!

Андрей Хрисанфыч, слушая это, вспомнил, что раза три или четыре жена давала ему письма, просила послать в деревню, но мешали какие-то важные дела: он не послал, письма где-то завалялись.

- А в поле зайчики бегают, - причитывала Ефимья, обливаясь слезами, целуя своего мальчика. - Дедушка тихий, добрый, бабушка тоже добрая, жалосливая. В деревне душевно живут, бога боятся... И церковочка в селе, мужички на клиросе поют. Унесла бы нас отсюда царица небесная, заступница-матушка!

Андрей Хрисанфыч вернулся к себе в комнатку, чтобы покурить, пока кто не пришел, и Ефимья вдруг замолчала, притихла и вытерла глаза, и только губы у нее дрожали. Она его очень боялась, ах, как боялась! Трепетала, приходила в ужас от его шагов, от его взгляда, не смела сказать при нем ни одного слова.

Андрей Хрисанфыч закурил, но как раз в это время наверху позвонили. Он потушил папиросу и, сделав очень серьезное лицо, побежал к своей парадной двери.

Сверху спускался генерал, розовый, свежий от ванны.

- А в этой комнате что? - спросил он, указывая на дверь.

Андрей Хрисанфыч вытянулся, руки по швам, и произнес громко:

- Душ Шарко, ваше превосходительство!